

КАМЧАТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
АО «КАМЧАТСКАЯ КНИГА»
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
1995

К ИСТОРИИ КАМЧАТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Н. И. Моргалев

ПОИСКИ ПУШЕК. КОМАНДОРЫ. ПРОБНЫЙ ВАРИАНТ.
ШТУРМ БУХТЫ КОМАНДОР

В экспозиции Камчатского областного краеведческого музея есть поистине бесценный и уникальный экспонат. Музейный работник не может не испытывать перед ним благоговения, а к своему коллеге-счастливцу, которому удалось добыть этот экспонат,— чувств легкой зависти и восхищения. Экспонат этот — двухфунтовая чугунная пушка с пакетбота «Св. Петр», о которой в последние годы писали довольно часто и в разных источниках¹. В музее она с 1940 года, а вот легенда ее за все эти годы изучена была неполно. И найдись среди посетителей музея очень дотошный любитель истории да спроси нас о том, как была найдена эта пушка, как она попала в музей и что нам известно о Николае Ивановиче Моргалеве, который и привез в 1940 году эту пушку в музей, он поставил бы нас в тупик. Эти подробности нам не были известны, как почти ничего не было известно и о Николае Ивановиче².

Но вот летом 1992 года в музей из города Томска пришло письмо. Автор его, бывший сотрудник нашего музея, обращался с просьбой выслать ему справку о его работе в Камчатском областном краеведческом музее. И автором этим был не кто иной, как Николай Иванович Моргалев! Сама судьба улыбнулась нам. Завязалась переписка, побудившая нас изучить соответствующие документы научного архива музея и архива Камчатского областного управления народного образования (музей долгое время находился в ведении наробраза), в результате фонды музея пополнились тридцатью подлинными письменными источниками о Н. И. Моргалеве, о его работе в Камчатском областном краеведческом музее, о том, как им была найдена и привезена в музей первая из четырнадцати пушек со «Св. Петра».

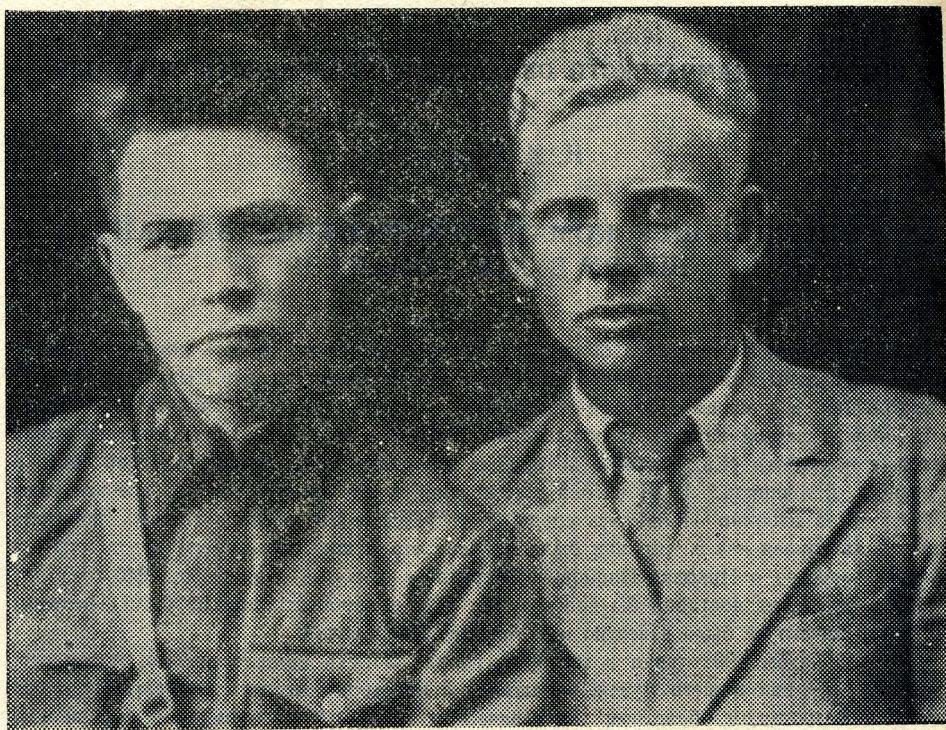
Читателям «Краеведческих записок», думается, будет небезинтересно узнать и о самом Н. И. Моргалеве (ведь даже если бы он, работая в музее, ничего больше не сделал, как только нашел и привез в музей эту пушку, и то он заслуживал бы к себе всяческого интереса и внимания; между тем деятельность Николая Ивановича в музее была чрезвычайно многообразна и полезна), и о том, как ему удалось добыть этот бесценный экспонат для музея. Об этом Николай Иванович рассказывает в очерке «По следам Камчатских экспедиций Витуса Беринга, или Поиски и открытие Америки и Японии по Указу российского царя Петра Первого», который он закончил писать в 1993 году и подарил музею.

Итак, сначала немного о нем самом, Николае Ивановиче Моргалеве, выпускнике Томского государственного университета, с ноября 1938 года по апрель 1945-го — научном сотруднике, а потом и директоре Камчатского областного краеведческого музея, страстном путешественнике, чемпионе Петропавловска-Камчатского по лыжным гонкам в начале 40-х годов, человеке, которого судьба свела со многими известными в нашем городе людьми — с К. И. Паниным, И. А. Полутовым, И. И. Лагуновым, братьями Главацкими, И. П. Егоровым³.

Николай Иванович Моргалев родился в г. Владивостоке, на Второй Речке, в 1915 году. Он был самым младшим — четвертым — ребенком в семье выходцев со Смоленщины: рабочего и домохозяйки Моргалевых — Ивана Яковлевича и Ефросиньи Лукьяниновны.

Иван Яковлевич на фронт не попал, так как работал в военном ведомстве: рабочим на строительстве железнодорожных туннелей, десятником на постройке минных галерей Владивостокской крепости.

В 1916 году семья Моргалевых переехала в Томскую губернию, в с. Володино Кривошеинского района, где Моргалевы жили до 1931 года. Иван Яковлевич в это,

Н. Моргалев (справа) с К. Мухомедьяровым, военфельдшером.

Петропавловск-Камчатский, апрель 1941 года

Фонды КОКМ НВФ-2439

послереволюционное, время был избран сначала членом сельского Совета, а затем его председателем (1918—1920), потом около десяти лет работал в потребкооперации: членом правления, доверенным по закупке и продаже товаров Монастырского потребобщества, куда входили пайщики с. Володино, заведующим магазином Монастырского потребобщества и его продавцом в с. Володино⁴.

В Володино Коля Моргалев начал учиться в школе и окончил три класса. А в 1928 году его с сестрой Полиной (из четырех детей выжили они двое) отправили к родственникам в Томск, где Николай четыре года — 4—7-е классы — учился в железнодорожной школе № 8 на станции Томск-II и начал активно заниматься общественной работой: был пионером, вступил в ряды ВЛКСМ, был секретарем учкома, председателем пионерской базы Томска-II, пионерским вожатым, состоял в городском ОСОД-МИЛе (Общество содействия милиции), в Добровольном пожарном обществе⁵.

В 1931 году Моргалевы перебрались поближе к Томску, и Иван Яковлевич устроился на работу на кролиководческую базу Рыбакохтсоюза, которая находилась в 12 километрах от Томска, старшим рабочим.

В 1932 году Николай по совету друзей после окончания 7-го класса поступил на курсы по подготовке в вуз. Быстро освоив программу 8—10-х классов, прошел шестимесячные курсы за три месяца и осенью стал студентом биологического факультета Томского государственного университета им. В. В. Куибышева.

Годы учебы в университете были напряженными: занятия, участие в научных экспедициях, общественная работа, работа в 1936—1937 годах экскурсоводом зоологического музея университета⁶. Здесь, в университетском музее, под руководством профессора Ганса Христиановича Иохансена, орнитолога, датчанина, он научился делать чучела зверей и птиц. По заданию Иохансена в экспедициях собирая шкурки птиц, на таежных болотах в верховьях реки Тым (северного притока Оби) нашел редчайший орнитологический экземпляр — розовую чайку. Шкурка ее до сих пор хранится в зоологическом музее ТГУ⁷.

В это время, в 1934 году, семья Моргалевых переехала в Томск на постоянное место жительства. Отец Николая Ивановича поступил на работу заведующим пригородным хозяйством клиники Томского мединститута и проработал там до 1941 года, до ухода на пенсию⁸.

В 1937 году Николай Иванович окончил университет, получив специальность ихтиолога и гидробиолога. У него была возможность работать в клинике Томского государственного медицинского института, заниматься научно-исследовательской деятельностью в области кожных болезней и иметь врачебную практику. Но в ректорате лежала путевка Наркомпроса на Дальний Восток, так нуждавшийся в квалифицированных кадрах, и ректор университета Борис Петрович Токин не согласился отозвать ее. Так Н. И. Моргалев осенью 1937 года оказался в Хабаровском краине перед выбором: Благовещенск, Николаевск-на-Амуре, Магадан или Петропавловск-Камчатский. Влияние на этот выбороказал заведующий Камчатским облоно Валишин, который и увез молодого специалиста в Петропавловск. Николая Ивановича назначили директором городской школы взрослых, размещавшейся в старом здании школы им. М. Горького, и поселили в небольшом деревянном доме по ул. Красинцев, 23, который находился рядом с памятником «Часовня»⁹.

В это время в Камчатском областном краеведческом музее работал научным сотрудником, а с сентября 1938 года — директором Владимир Дмитриевич Покровский — еще один выпускник Томского государственного университета, охотoved, «позвоночник», прибывший в Петропавловск с семьей чуть раньше. Он-то и уговорил Николая Ивановича перейти работать в музей научным сотрудником. Осенью 1938 года, как только ему была найдена замена в школе, Моргалев перешел работать в музей¹⁰.

Деятельность Николая Ивановича в музее была чрезвычайно многообразна. Он разрабатывал и читал лекции, освоив темы: «Оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.», «История Камчатки и ее богатства», «Революционное прошлое Камчатки», «Экспедиции Беринга и основание Петропавловска»¹¹. Только одну из них — «Происхождение человека и расовая теория германских фашистов» — Николай Иванович читал более сорока раз: в селах от Петропавловска до Ганал, врачам Петропавловска, командам траулеров «Топорок» и «Восток»¹².

Много сотрудничал Моргалев с Камчатской станцией ВНИРО в поисках морепродуктов. В 1943 году, с 9 мая по 27 июля, участвовал вместе с И. А. Полутовым, сотрудником ВНИРО, в научно-промышленной экспедиции, организованной управлением АКО и облрыбакколхозсоюзом, на траулере «Дальневосточник» в Пенжинском и Гижигинском заливах. Целью экспедиции было — провести первый опытный лов сельди и первую научно-промышленную разведку, в результате чего дать научные рекомендации по промыслу сельди в этих районах, который предполагали начать в 1944 году¹³. Моргалев возглавил наблюдательный пункт в бухте Тайгонос. Около полутора месяцев он с двумя рыбаками находился там, следя за ходом сельди, ведя записи. Без рации, без аптечки, имея из продуктов только хлеб и рыбные консервы¹⁴.

Страстью Николая Ивановича были экспедиции. В 1939 году он проложил первый 15-суточный 400-километровый конный маршрут от с. Тиличики до с. Карага, перевалился через р. Вывенку, прошел болотами, жил среди кочевых коряков. В этом же году побывал на о. Карагинском, проверяя результаты акклиматизации ондатры, завезенной туда АКО в 1929 году¹⁵. В 1940 году был в экспедиции на Командорских островах.

Плодотворно занимался собирательской работой. Из экспедиции в Пенжинский район привез две шкуры медведя, 10 шкурок птиц, 25 геологических образцов, каменный топор, 30 фотодокументов¹⁶. Из экспедиции на Командоры привез в музей двухфунтовую чугунную пушку со «Св. Петром» и традиционную одежду алеутов: торбаса из горла котика, камлейку из кишок сивуча. Из с. Карага — женскую корякскую одежду: кухлянку, рукавицы, торбаса с чижами¹⁷. Из Милькова в 1943 г. — 68 экспонатов для сельскохозяйственной выставки, которую организовал в музее.

Некоторое время Николай Иванович выполнял в музее обязанности препаратора. Им было изготовлено большое количество экспонатов по разделам «Животный мир Камчатского полуострова», «Птицы Камчатки», «Рыбы камчатских водоемов»¹⁸. Среди этих экспонатов — чучела белого медведя, убитого на льдах около Усть-Камчатска, котика, красной лисицы¹⁹. Он также являлся автором многих музеиных экспозиций.

13 марта 1943 года Николай Иванович был назначен директором Камчатского областного краеведческого музея. В его характеристики-представлении, написанной Н. И. Альковой, его предшественницей на посту директора, читаем: «...К работе относится добросовестно. Является внештатным лектором горкома ВКП(б) и активно проводит лекторскую работу»²⁰. Это высокая оценка деятельности Моргалева, если учесть, что Н. И. Алькова, по воспоминаниям знатных ее людей, была очень требовательной и принципиальной.

Моргалев-директор много занимался хозяйственными и организационными делами: обеспечивал музей дровами, добивался ремонта крыши, оконных рам и прогнившей стены, насыпал завалинки, ввел бесплатное посещение музея для красноармейцев, краснофлотцев и инвалидов Великой Отечественной войны, создал комиссию по проверке материалов научного архива музея, составил новое расписание работы музея для улучшения обслуживания посетителей²¹.

1 апреля 1945 года Николай Иванович, старший лейтенант запаса, был мобилизован горвоенкоматом в ГМС ТОФ инженером IV отдела, где он прослужил до ноября 1945 года, до демобилизации. В музей Николай Иванович уже не вернулся — уехал в Томск, где его ждали жена и сын²².

В Томске Николай Иванович живет и по сей день. Работал заведующим биостанцией университета, директором школы, старшим научным сотрудником ЦГА РСФСР ДВ, а с января 1953 года (после окончания санитарного факультета мединститута)²³ по май 1993-го — 40 лет! — врачом по коммунальной гигиене в областной санэпидстанции, а затем — в областном центре госсанэпиднадзора. Тысячи рассмотренных проектных документов, сотни командировок, многочисленные исследования водоемов и водоподготовительных пунктов, изучение санитарного состояния р. Томи и участие в обосновании перевода Томска на водоснабжение из подземных источников — вот что вместили в себя эти 40 лет²⁴. Все эти годы Николай Иванович активно занимался научной работой: написал около десятка научных работ и множество статей по санитарным и природоохранным вопросам для областной газеты «Красное знамя». Был участником многочисленных конференций и семинаров по этим вопросам в Томске, Новосибирске, Перми, Ульяновске, Кемерове, Москве. С благодарностью вспоминает и сегодня Николай Иванович своих учителей по санитарным вопросам профессора Л. М. Маслова из Омского медицинского института и профессора Л. С. Гурвич из Московского НИИ гигиены имени Ф. Эрисмана.

Среди специалистов санэпидслужбы Томской области Николай Иванович снискал уважение и авторитет. В работе его отличали трудолюбие, добросовестность и принципиальность, способность принимать правильные решения в сложных ситуациях, внимание и доброжелательность к людям²⁵. Недаром таким теплом дышат строки приветственного адреса, подаренного Николаю Ивановичу сослуживцами в мае 1993 года, в день его проводов на пенсию:

ОблСЭС Вы отдали
40 доблестных лет.
Область всю прошагали
Ради славных побед.

...Чередой мчатся годы,
Словно вехи судьбы.
Знаем Ваши работы,
Помним Ваши статьи.

Молодежи свой опыт
Передали сполна.
Вам — большое спасибо,
Вам — здоровья, тепла²⁶.

В Томске Николай Иванович живет с женой — Надеждой Федоровной Ильиной, всю войну проработавшей в томском госпитале, а с 1947 года до пенсии — заведующей яслими. У них два сына — Сергей Николаевич, врач, живущий в Сочи, и Юрий Николаевич, биофизик, кандидат наук, работающий в Томске, трое внуков.

Николай Иванович живо интересуется всем происходящим в стране, не изменяя своим взглядам гражданина и патриота, болезненно переживающего за все. Несмотря на плохое зрение, по-прежнему старается много писать. Отрывок из вышеупомянутого очерка, в котором Николай Иванович рассказывает о своей поездке на Командоры, о том, как он нашел пушку со «Св. Петра», как доставил ее в музей, мы и публикуем.

В 1939 году в музей пришло письмо из датской библиотеки (или музея) с просьбой сообщить, что нам известно о В. Беринге и об оставленных на Командорах его экспедицией пушках. Письмо нас застало врасплох: мы сами ничего толком не знали не только о пушках, но и об этих экспедициях. Вот почему я срочно занялся изучением имевшихся в городе архивов, исторической литературы о Камчатских экспедициях В. Беринга. На эту работу ушло несколько месяцев. В результате мною к началу 1940 года была составлена лекция по истории Камчатки и Командорских островов, с которой я выступил в аудиториях различных организаций и предприятий.

А главным было то, что в архивах я нашел снимки пушек, лежавших открыто на поверхности земли. Что это — пушки В. Беринга? Иди и бери их? Вот ведь какой был соблазн. А ведь все путешественники, побывавшие на Командорах, утверждали, что пушек там нет. Так что это — пушки экспедиции В. Беринга, или это какое-то недоразумение? И где они лежат? И где искать фотографа, сделавшего снимки? И когда они сделаны? (Это потом было окончательно установлено, что снимки сделаны фотокорреспондентом журнала «СССР на стройке» Г. З. Санько в бухте Командор.)

А письмо из Дании лежит. В октябре 1940 года исполняется 200 лет со дня основания Петропавловского порта. Привезти бы несколько пушек — таких дорогих экспонатов — к этой дате! Ведь пушки лежат открыто — грузи на транспорт и вези...

И вот на совете музея решили послать на Командоры меня, поскольку я уже бывал в экспедициях по Камчатке в 1938 и 1939 годах: в 1938-м прошел маршрутом Первой Камчатской экспедиции от с. Начики до верховьев р. Камчатки, спустился до ее устья, а в 1939-м прошел на лошадях около 400 км по корякским тундрам, жил среди кочевых коряков.

Итак, мне было предложено отправиться на Командоры. Что я знал о Командорах? А полезного очень и очень мало. Знал, что туда самолеты не летают, а ходят один-два парохода в год, завозя все необходимое для островитян — начиная от спичек, соли, топлива, продуктов питания и кончая стройматериалами и другими товарами. Разве что не везли только питьевую воду.

И вот узнаю, что туда должен идти траулер «Дальневосточник». 4 июня 1940 года я выехал этим пароходом на Командоры. Так получилось, что день моего выезда совпал с днем выхода в 1740 году из Петропавловской гавани кораблей Второй Камчатской экспедиции В. Беринга... Что впереди у меня? А впереди — безбрежный океан и море Беринга, по которым я болтался в течение месяца, хотя до Командор было рукой подать — каких-то 250—300 км от Усть-Камчатска. А мы плавали вдоль восточного берега полуострова от одного населенного пункта до другого, вплоть до бухты барона Корфа на севере Камчатки. На траулере познакомился с Константином Зайковым — алеутом по национальности, а по должности — заместителем директора Командорского зверосовхоза. Узнав, зачем я еду, он обещал всяческое содействие в моей работе.

Наконец 6 июля 1940 года мы высадились на о. Беринга в с. Никольском.

Население двух островов в 1940 году составляло не более 500 чело-

век. На о. Беринга имелось несколько голов крупного рогатого скота и небольшое стадо оленей, завезенных с полуострова Камчатка, из Олюторки. Основным занятием населения было выращивание голубых песцов на воле, поэтому песцы бегали по всему острову и тявкали, как собачонки, доставляя много неприятностей населению, подкапываясь и проникая в кладовки, похищая мясо, рыбу. Кроме того, что песцы питались естественным кормом с лайды моря, их подкармливали юколой на участках, называемых ухожками. Юколу готовили из лососевых. Рыба нарезалась кусками, эти куски без посола вывешивались под навесом и вялились до такой степени, что человек с трудом мог их разгрызть. Рыбу ловили в речках с помощью шеста длиной 3—4 м с острым железным крючком диаметром 6—8 см. Подойдя к плесу на речке, где в ямах плавала рыба, опускаешь такое орудие в воду и поддеваешь рыбину на крючок. Я сам таким образом на речке Саранной за полчаса добыл более 20 штук лососевых весом 3—4 кг. На островах добывали морского котика, шкурка которого ценилась дорого. Их не стреляют, а забивают палками-колотушками, называемыми дрыгалками. Они имеют длину 2—2,5 м, а на конце с утолщением. А вот промысел калана из-за малочисленности стада в 1940 году был запрещен.

С первых дней я начал знакомиться с островом. А через несколько дней прочел лекции по истории Камчатки и по экспедициям В. Беринга, в том числе о приближавшемся 200-летии со дня открытия Командорских островов в 1741 году, по местному радио, а потом и в клубе. Эти лекции помогли мне найти местных краеведов, которые ходили в прошлом, 1939 году в бухту Командор. От них я узнал, что на острове нет ни автомашин, ни тракторов, нет даже лошади, а есть одна упряжка собак, но летом «собачки отдыхают». Из морского транспорта в совхозе был только один старенький кавасаки — большая деревянная лодка с палубой. На нем стоял бензиновый двигатель, который без конца чихал и коптил. А что возьмешь со старого мотора? Создавалось впечатление, что эта посудина двигается не столько на счет оборотов винта, сколько за счет выхлопа газов. И этот транспорт ходил по морю и океану и даже на о. Медный, хотя такие вояжи были редкими. Капитаном кавасаки был худощавый брюнет среднего роста, лет тридцати, но уже седеющий. Мужественный, смелый человек. Звали его, кажется, Анатолий Павлович.

Для полноты картины замечу, что на этом кавасаки была маленькая шлюпка для связи с берегом, да на о. Медном — весельная шлюпка. Вот и весь морской транспорт совхоза. Никольский же «морской порт» состоял из вбитого в землю на берегу кола, обозначавшего место выгрузки и погрузки морских судов. Для связи с берегом эти суда имели свои плавсредства.

Итак, по рассказам местных краеведов — учителей Махоркина, Захарчука, Бондаря и промысловика Степанова, они в 1939 году ходили в бухту Командор и видели все 13 пушек, лежавших открыто. Краеведы немного покопались в оставшихся от экспедиции Беринга ямах, пособирали бусы и бисер, а потом поставили на его могиле упавший крест. Посмотрев привезенные мною фотографии Г. З. Санько, учителя подтвердили, что это пушки экспедиции В. Беринга, которые лежат на лайде в бухте Командор.

У меня не было экскаватора, чтобы извлечь пушки из песка, не на чем было их везти в Никольское. У меня не было денег, чтобы нанять бригаду рабочих и развернуть крупномасштабный поиск пушек: смета областного музея финансовыми органами была «обстрижена под первый номер». Но, несмотря ни на что, я решил привезти хотя бы одну пушку в Камчатский областной краеведческий музей к 200-летию основания Петропавловска. Значит, надо идти в бухту Командор и уточнить ситуацию с пушками на месте.

С одним жителем Никольского мы загрузили вещмешки продуктами, одеждой потеплее для ночевки на открытом берегу моря, взяли топор, веревку для перетаскивания пушек, запасную обувь, питьевую воду и другие мелочи. Нам предстояло пройти по горам 35 км туда и столько же обратно. Мы не собирались откапывать пушки и раскапывать ямы экспедиции, поэтому лопату не взяли — ведь в 1935 и 1939 годах пушки лежали открыто. И здорово поплатились за доверчивость.

Рано утром мы вышли из Никольского и взяли курс на Саранное — единственное большое озеро острова с пресной водой. Стоял июль, было солнечно, тепло. Во второй половине дня мы пришли в бухту Командор. Но... Крест на могиле В. Беринга стоял, а берег был пуст — пушек не было. Где они? Кто и когда их увез? Ведь добирался я сюда около полутора месяцев. Расстроенный «до мозга костей» пошел ближе к могиле В. Беринга, поклонился его праху, а потом стал осматривать местность, залив. Но что это чернеет? В нескольких десятках метров на песчаной отмели (был отлив) торчит из песка сантиметров на 40—50 дуло пушки. А где остальные? Под песком? Разве может море набросать за год столько песка? Без лопаты здесь делать нечего. С этими мыслями мы отправились в обратный путь. Зайдя в ухож Саранный, наловили рыбы, подкрепились ухой и свежей рыбой, а также и красной икрой. А на следующий день вернулись в Никольское.

Я теперь знал, что пушки замыты песком на глубину около полутора метров, в приливно-отливной полосе. Экскаватора на острове не было, а пока будешь рыть траншею вручную, очередной прилив уничтожит всю работу. Единственное, что мне оставалось сделать с моими возможностями, — это откопать ту пушку, которая торчала из песка. Но как вывезти ее в Никольское? На себе тащить 35 км груз в 300 кг — слишком тяжело. На кавасаки? Но он единственный и строго лимитируемый в совхозе, и на 30—35 часов мне его не дадут. А у меня был обширный план работы. Кроме пушек, нужно было разыскать старинный алеутский рыбачий костюм, сшитый из кишок сивучка и горла котика, собрать научный материал о природе Командорских островов, провести кольцевание птиц и др.

Поэтому решил на досуге основательно проработать вариант, как вытащить из песка пушку и доставить ее в Никольское. С этими мыслями я уехал на о. Медный на кавасаки совхоза, который вез туда горючее и продукты питания.

Медный — второй из Командорских островов. В бухте Преображения, куда ведет узкий, шириной 50—70 метров, проход, находится с. Преображенское с числом жителей около 150 человек. Достопримечательностью Медного являются птичьи базары, на которых гнездятся кайры, топорки, чайки, бакланы и другие птицы. Местное население птиц ловит примитивным способом. Один охотник с доской шириной около 10—12 см и длиной около метра лезет по отвесным скалам к ущелью, где гнездятся птицы. Усаживается на камни за осокой лицом к морю. Издает свист, и большая стая птиц срывается с гнездовий и летит над морем. Сделав небольшой круг, птицы летят назад, и многие — над местом засады охотника. А этот охотник только колотит птиц, летящих на него, по голове, а внизу другой охотник собирает убитых птиц в мешок.

Я на о. Медном проводил кольцевание птиц по просьбе профессора Томского университета, орнитолога датчанина Ганса Христиановича Иохансена. Как поймать птицу на отвесных скалах? Я научился этому у местного населения. Забираешься с тыла на отвесную высокую скалу, которая выдается в море в виде мыса. С собой берешь чироч — шест длиной 3—4 м с прикрепленным к его концу кругом диаметром 30—36 см из проволоки сечением 4—5 мм, к которому привязан мешок из рыболовной сетки. С этим сачком-чирочем садишься в траву на отвес-

ной скале. Птицы все время летают с базара на базар через тебя, и твое дело — сидя посноровистей ловить их, а твой помощник вынимает из сетки птиц, надевает кольцо на лапку и отпускает на волю. При этом ведется регистрация окольцованных птиц, то есть делается соответствующая запись.

Выполнив программу, в конце августа на случайно зашедшем пароходе «Эскимос» я вернулся на о. Беринга. Нужно было уже возвращаться в Петропавловск.

И вот тут Константин Зайков сдержал свое обещание о помочи мне. Он переговорил с капитаном кавасаки. А через несколько дней мы вышли в море на этой плавучей посудине, держа курс на о. Медный, чтобы отвезти туда какой-то небольшой груз. На обратном пути мы должны были зайти в бухту Командор за пушкой. Дело в том, что от Никольского до бухты Командор ходу морем 10—12 часов вокруг северо-западного мыса. Так что в один день дойти до этой бухты, погрузить пушку и вернуться в Никольское мы физически не успевали. Поэтому вначале мы ушли на о. Медный, переночевали в Преображенском и рано утром вышли в обратный рейс. Этот путь из бухты Преображения до бухты Командор значительно короче и занимает около 6 часов. Я рассчитывал, что в бухте Командор мы пристанем к берегу на кавасаки и пушку будем грузить втроем.

Итак, 5 сентября 1940 года, во второй половине дня мы оказались в бухте Командор. Но к берегу вести судно капитан категорически отказался: там подводные скалы, погубившие корабль «Св. Петр». К тому же нас сопровождал ветер силою один-два балла. В такой ситуации в наше распоряжение поступила лежавшая на палубе кавасаки маленькая шлюпка грузоподъемностью три человека в тихой гавани. А здесь открытое море и волна! Что же делать? Большой грузоподъемности шлюпок ни в Никольском, ни в Преображенском нет, да и невозможно большую шлюпку транспортировать на палубе кавасачки в плавании по открытому морю, при буксировке же за кормой такую шлюпку захлестнет волной. Но выбирать было не из чего: или возвращайся в Никольское несолено хлебавши, или... Плавал я хорошо, родился под знаком льва — не трусливого зверя. Мы с матросом спустили шлюпку на воду, погрузили в нее лом, лопаты, веревку, ведерко, сами сели в нее и отплыли к берегу, оставив капитана кавасаки на рейде в полукилометре от берега.

Берег оказался песчаным и очень пологим. Слабый ветер дул с него, поэтому не было прибоя. Это способствовало успешному нашему десантированию с моря на берег бухты Командор. Нас было двое — я и матрос-подросток. Но сейчас ценилась даже четверть человеческой силы. Мы быстро стали откапывать ту пушку, конец которой торчал над землей. Был отлив, и море нам не мешало, оно шумело в 15—20 м от нас, а мы копали траншею вокруг пушки. Не дойдя до дна, с помощью лома, жердей из плавника и веревки подняли ее на поверхность земли. Но ликовать было некогда. Ветер крепчал, и капитан подавал сигналы возвращаться. А мы еще не дотащили пушку до воды. Наконец грузим ее в шлюпку, но привинченные скамьи не дают возможности положить пушку на дно лодки. Пришлось дуло положить на скамью, но оно, круглое, катается. Тогда я сел на скамью в лодку, положил пушку между ног и, зажав ее коленями, взялся за весла. Матрос же отчалил шлюпку и сел на корму с веслом и ведерком. И тут я увидел, что наша лодочка перегружена и небольшая волна может нас потопить. Малейшая неосторожность — и пушка перевернет нашу лодчинку и утянет в морскую пучину ее седоков. Что же делать? Оставить матроса на берегу? Но время позднее — ведь несколько часов потрачено на то, чтобы откопать и вытащить из песка пушку, найти плавник для катков, по ним дотащить ее до лодки. А кто будет вычерпывать воду из лодки, когда вый-

дем в открытую бухту? Подумав, я все же рискнул плыть «втroeм», ходя борт шлюпки возвышался над водой не более чем на 10 см.

Скоро нас стала захлестывать морская волна. Все чаще заработало ведерко в руках матроса. Береговой ветер, который дул по диагонали к курсу нашего суденышка, помогал нам. Я поставил шлюпку почти вдоль волны. Очередная волна подкатывалась под нашу лодку, поднимала всю ее на гребень и опускала между волн. Искусство здесь состояло в том, чтобы грести и одновременно балансировать: когда подходит очередная волна, то нужно немного приподнять один борт шлюпки, а противоположный подтопить, а когда скатываешься с волны, то все делать наоборот. В общем, сидишь, держишь пушку между колен, гребешь и ерзаешь по скамейке, балансируя. А кормовой матрос отчертывает воду. (Вот как иногда добываются ценные музейные экспонаты!) Метрах в трехстах от берега к нам подошел кавасаки. Моля всех святых, в том числе Петра и Павла, мы вручную подняли пушку на палубу. И здесь я, неверующий, перекрестился и поцеловал капитана и матроса.

Прибыв на рейд Никольского, мы таким же способом погрузили пушку на ту же шлюпку и доставили ее на берег. Правда, не без происшествий. По-видимому, уже от усталости мы при выгрузке из шлюпки утопили пушку в двух метрах от берега: она высокользнула из рук. Но выудить ее не представляло большого труда. А потом пришел сейнер «Нептун», и пушку перевезли на него.

20 сентября 1940 года я прибыл в Петропавловск вместе с пушкой, не опоздав к праздничному торжеству в честь 200-летнего юбилея порта и города, основанного Витусом Берингом.

Привезенная пушка была выставлена в экспозиции Камчатского областного краеведческого музея.

Затем пушка со «Св. Петра» была установлена у памятника Витусу Берингу в Петропавловске, а потом возвращена в музей. В 1979—1981 годах ее изучили В. Д. Леньков, Г. Л. Силантьев и А. К. Станюкович — участники экспедиций 1979 и 1981 годов, проводившие комплексное историко-археологическое исследование Командорского лагеря. В 1982 году пушку отреставрировали специалисты ВНИИР М. С. Гринкруг и А. Ф. Дубровин²⁷. И с тех пор она уже никогда музей не покидала.

Имя же того, кто нашел эту пушку, кто извлек ее из командорских песков и привез в Петропавловск, что фактически впоследствии стало толчком к поиску остальных тринацати пушек с пакетбота «Св. Петр», было долгое время в забвении.

Ничего не сказал о Н. И. Моргалеве и об этой первой найденной пушке И. Ф. Махоркин в статье «Командорские острова», напечатанной в сборнике «Вопросы географии Камчатки» — в № 4 за 1966 год. Более того, И. Ф. Махоркин отнес первую находку пушек со «Св. Петра» учителей никольской семилетней школы И. В. Бондаря, В. К. Захарчука и промысловика Командорского зверосовхоза Е. А. Степанова лишь к 1941 году!

Не вспомнила о Моргалеве и Ф. И. Тимохина в статье «Сколько найдено пушек», опубликованной в 1980 году в газете «Алеутская звезда».

Обошел молчанием нашу пушку и корреспондент газеты «Дальневосточный моряк» Б. Метелев в 1981 году, кратко излагая историю поиска пушек с пакетбота «Св. Петр».

Полоса несправедливого молчания (или умолчания, как это подчас бывает?) прервалась лишь во второй половине 80-х годов. Надеемся, что и эта публикация о человеке, чья значительная роль в истории Камчатского областного краеведческого музея несомненна и чьи имя и дела не должны быть забыты, послужит утверждению исторической — пусть негромкой и небольшой — но правды.

1. Белов М. И. Дания и В. Беринг//Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М.; Л., 1965. С. 56; Махоркин И. Ф. Командорские острова//Вопр. географии Камчатки. Петропавловск-Камч., 1966. Вып. 4. С. 6; Тимохина Ф. И. Сколько найдено пушек//Алеут. звезда. 1980. 5 апр.; Титов И. Чем влекут Коман-

доры?//Там же. 1981. 8 апр.; Малюкович В. Н. Где лежат пушки?//Там же. 1981. 4 июля; Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. М., 1988. С. 26—28; Они же. К истории артиллерийского вооружения пакетбота «Св. Петр»//Краевед. записки. Петропавловск-Камч. Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-ние, 1989. Вып. 6. С. 3; Епишкин С. М., Звягин В. Н. Четверть тысячелетия спустя//Последняя экспедиция Витуса Беринга. М., 1992. С. 156.

2. Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К. Командорский лагерь...; Они же. К истории...; Соколова С. И. Из истории Камчатского музея//Краевед. записки. Петропавловск-Камч. Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-ние, 1991. Вып. 7. С. 11, 13.

3. Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 19 декабря 1993 г. С. 7. КОКМ ОФ-31053/7; Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 10 ноября 1992 г. С. 7. ККМГИ-30507.

4. Личное дело № 822 Н. И. Моргалева, 1941—1943 гг. С. 1. ККМГИ-30505.

5. Там же. С. 1—2.

6. Там же. С. 2.

7. Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 16 мая 1994 г. С. 6—7. КОКМ ОФ-31053/18.

8. Личное дело... С. 3.

9. Книга приказов Камчатского областного краеведческого музея, 1937—1952 гг. С. 22—23. КОКМ ОФ-31053/1; Личное дело... С. 6.

10. Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 23 апреля 1994 г. С. 5. КОКМ ОФ-31053/4; Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 16 мая 1994 г. С. 6—7. КОКМ ОФ-31053/18.

11. Моргалев Н. И. О работе Камчатского областного краеведческого музея: (Выступление на VII сессии Камч. обл. Совета депутатов тр-ся 18 февр. 1944 г.). С. 3. КОКМ ОФ-31053/3.

12. Моргалев Н. И. Информация о работе Камчатского областного краеведческого музея за III квартал 1943 г. С. 2. КОКМ ОФ-31053/4.

13. Там же. С. 2—5; Книга приказов... С. 25.

14. Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 16 мая 1994 г. С. 23—24. КОКМ ОФ-31053/18.

15. Там же. С. 14—20; Моргалев Н. И. По следам Камчатских экспедиций Витуса Беринга. 1993. С. 42—54. ККМГИ-30819.

16. Моргалев Н. И. Информация... С. 3.

17. Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 16 мая 1994 г. С. 19—20. КОКМ ОФ-31053/18.

18. Личное дело... С. 7.

19. Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 10 ноября 1992 г. С. 7. ККМГИ-30507.

20. Личное дело... С. 5.

21. Книга приказов... С. 22—34; Моргалев Н. И. Информация... С. 4—5.

22. Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 16 мая 1994 г. С. 24. КОКМ ОФ-31053/18; Письмо Н. И. Моргалева Е. Е. Володарской от 10 ноября 1992 г. С. 2—3. ККМГИ-30507.

23. Письмо Н. И. Моргалева К. Н. Величко от 6 сентября 1992 г. С. 3. ККМГИ-30506.

24. Памятный адрес Н. И. Моргалеву от коллектива Томского областного центра Госсанэпиднадзора от 7 мая 1993 г. КОКМ ИВФ-3283/3.

25. Там же.

26. Памятный адрес Н. И. Моргалеву от сослуживцев от 7 мая 1993 г. КОКМ ИВФ-3283/2.

27. Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К. Командорский лагерь... С. 28.

Материал подготовлен Е. Е. Володарской.

ОБ АВТОРАХ

Алексей Николаевич Виноградов (1901—1992) — начальник и главный инженер строительства Петропавловского порта в 1943 году.

Александр Женриевич Христофоров — начальник Военно-исторического музея Камчатской флотилии.

Георгий Михайлович Власов — доктор геолого-минералогических наук, заведующий отделом вулканогенных формаций Института тектоники Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Ким Михайлович Севостьянов — кандидат геолого-минералогических наук, в 1950—1952 годах — начальник партии Богачевской нефтетразведочной экспедиции, в 1967—1987 годах — сотрудник ВНИИзарубежгеологии Мингео СССР.

Борис Петрович Полевой — доктор исторических наук, председатель отделения географических знаний Российского географического общества, ведущий консультант Петербургского исторического отделения Российской академии наук.

Николай Иванович Моргалев — в 1938—1943 годах — научный сотрудник, а затем, до 1945 года, — директор Камчатского областного краеведческого музея.

Елена Ефимовна Володарская — главный хранитель Камчатского областного краеведческого музея.